

An elderly man with a long white beard and hair is shown from the chest up, focused on painting a landscape on a canvas. He is wearing a white shirt and is seated at a wooden table. On the table, there is a palette with various colors of paint, brushes, and other painting tools. The background of the painting on the easel shows a serene landscape with a body of water, green hills, and a small boat. The overall scene is bathed in warm, golden light, suggesting a late afternoon or early morning setting.

Алёна Новикова
Частный
детектив
Пятаков
Тайна
художника

18+

Алёна Новикова

**Частный детектив
Пятаков Тайна художника**

«Автор»

2026

Новикова А.

Частный детектив Пятаков Тайна художника / А. Новикова —
«Автор», 2026

Частный детектив Антон Пятаков, берясь за, казалось бы, банальные поиски похищенной картины, и подумать не мог, к чему может привести его расследование. Ведь картину не просто похитили, а заменили копией. Но кто?.. И зачем?.. Это ему и предстоит выяснить. А поможет ему в этом журналистка. Вместе они докопаются до истины, раскрыв не одну тайну.

© Новикова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. В частном порядке	7
Глава 2. Безнадёжное дело	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Алёна Новикова

Частный детектив

Пятаков Тайна художника

Пролог

– Да не могу я вам транспорт выделить! Как вы не поймёте, Владимир Ипатьевич! – комендант заметно раздражался и уже переходил на крик.

– А людей дадите? – робко попросил собеседник.

– Людей?! – возмущённо отреагировал тот. – Нет! И людей не могу дать. Даже не просите!

Нервно гоняя папиросу в зубах из стороны в сторону, комендант шумно выпустил дым через нос. Заклеенные крест-накрест полосками белой бумаги окна были плотно закрыты. Дым пластами висел в кабинете и, не достигая пола, тяжестью ложился на плечи, въедался в одежду.

– Ну... может, хоть одна машина найдётся? – настаивал оппонент, не удовлетворившись таким ответом.

– Владимир Ипатьевич, дорогой мой, ну что же вы никак в толк не возьмёте!.. Немец уже на подступах к Ленинграду. Теперь каждый человек на вес золота, не говоря уже о машинах!.. – комендант, пытаясь держать себя в руках, терпеливо объяснял ситуацию. – Мне людей не на чем вывезти. А вы!..

– Но ведь это же народное достояние! Нельзя его так бросить на произвол судьбы! – собеседник закашлялся от едкого табачного дыма. – Пропадёт ведь! Уничтожат или растащат!

Комендант выдержал укоризненный взгляд директора музея. Затем порывисто поднялся со своего кресла, нервно прошёлся по кабинету, остановился у окна и отстранённо уставился вдаль. Уголёк его папиросы разгорался и вновь угасал, отражаясь в мелко дрожащих стёклах. Ветер доносил до слуха отзвуки далёкой канонады. Где-то шёл бой... Какое-то время оба молчали; лишь часы, мерно тикая, отмеряли секунду за секундой.

– Не могу! – сквозь зубы процедил он. – И не просите больше...

– А лошади есть? – неожиданно спросил директор.

«Откуда ему известно про лошадей? – комендант обернулся и пристально посмотрел на старика. – Наверняка кто-то проболтался!»

– Ну хорошо! – наконец сдался он. – Дам повозки с лошадьми. Но только четыре. Не больше!

– А?... – директор музея открыл было рот, чтобы что-то возразить.

– Десять человек! – оборвал его комендант. – Больше не могу! И то – только для помощи в погрузке. Сопровождать в дороге вас будет некому.

– Весьма признателен! – рассыпался старик в благодарностях, вскакивая со стула.

Не отрывая взгляда от окна, комендант махнул рукой, давая понять, что разговор окончен. Владимир Ипатьевич выскочил из кабинета и помчался обратно в музей.

«Что за люди?... Война в полном разгаре! Нет бы о своей жизни беспокоиться!.. А они вон за какие-то там побрякушки радеют!» – мысленно негодовал комендант, отдавая по телефону распоряжения о выделении музею лошадей и людей.

Владимир Ипатьевич, одной рукой придерживая шляпу на голове, другой – развеваемые ветром полы плаща, пересёк проезжую часть и торопливо пошёл по тротуару вдоль домов. От доносящегося грохота он вздрагивал и инстинктивно прижимался к стене, испуганно оглядываясь. Сердце его бешено колотилось, но он и не думал останавливаться: время поджимало.

В стенах музея царила атмосфера напряжённой суеты. Из работников оставались только директор, его заместитель и пара военных с оружием для защиты от мародёров. Дополнительные люди были нужны лишь в качестве грузчиков. С транспортом всё благополучно решилось. Музейные экспонаты были уложены в наспех сколоченные деревянные ящики. Оставалось дело за погрузкой и их дальнейшая эвакуация вглубь страны, подальше от разрушительной войны.

– Ради Бога, аккуратнее! Очень хрупкое! – сетовал директор, когда военные моряки, выделенные в помощь, лихо принялись за работу.

Спустя пару часов всё было готово. Ящики уложены в повозки, обоз отправился в путь... Владимир Ипатьевич, на ходу запрыгнув в последний экипаж, проводил тоскливым взглядом музей и неожиданно для самого себя решил, что видит его в последний раз; на душе было как-то беспокойно. За деревьями скрылись последние, поблескивающие на солнце крыши домов. Обоз покинул город...

Их скромный караван избегал открытой местности, двигаясь по просёлочным лесным дорогам. Пару раз, заслышав рёв моторов самолётов, они прятались в чащобе, замирая от страха, и, когда всё стихало, вновь отправлялись в опасный путь.

Затянувшееся путешествие подходило к концу. Все порядком вымотались. Владимир Ипатьевич, плотнее укутавшись в свой потрёпанный плащ, дремал под тихий скрип колёс и редкое ржание лошадей.

Неожиданно с неба раздался гул приближающихся самолётов. Спрятаться было негде: обоз пересекал небольшое поле, изрытое взрывами снарядов. Раздался грохот бомбёжки, а за ним – крики, страх, боль...

Глава 1. В частном порядке

Подгоняемые порывами ветра со стороны Финского залива, по небу ползли угрюмые, косматые тучи. Цепляясь брюхом за шпили башен, они грозили в любой момент обрушиться на дремлющий в рассветной синеве город. Небо затягивалось плотной пеленой, словно клубами серого, вязкого дыма. Солнце скрылось за мрачной наволокой, и мир потускнел, будто лишился ярких цветов. В разгар лета зной сдался без боя, уступив место промозглому холоду.

По своду небес пробежал раскат грома... Его отзвуки, отражаясь от городских стен, разбегались по улочкам и закоулкам, проскользнули в арки домов, пролетели по каналам, нырнули под мостами и растворились в нарастающем потоке городского шума. Воздух завибрировал, задрожал, потрескивая электрическими разрядами, и замер в тревожном ожидании. Полыхнула молния – начался дождь!.. Он навалился на город, превращая пейзаж в смешение блёклых красок, в замысловатую палитру. Горизонт размяк и растаял, очертания улиц и домов расплылись в белёсой дымке, будто в молоке.

Дождь шёл мелкий, назойливый, упрямый. Словно незваный гость, он настойчиво стучал в оконные стёкла, отбивал замысловатый барабанный ритм. Редкие крупные капли, срываясь с крыши, вторили ему, звонко и невпопад разбиваясь о жестяной водоотлив. Ветер нараспев шумел сотней надрывных голосов в холодной вышине. Стихия планомерно разыгрывала свою величественную симфонию.

В промежутках между тучами пробивались редкие солнечные лучи. Мрачная картина мегаполиса преображалась, становясь сюрреалистичной. Лучи, словно солнечные зайчики, прыгали по крышам домов, поочерёдно озаряя своим светом то одно здание, то другое, заглядывали в окна. Насквозь промокший город неторопливо и нехотя пробуждался ото сна, наполняя свои улицы густыми потоками людей и машин. Городской гул с каждой минутой всё больше разрастался, возвещая о начале нового беспокойного дня.

Антон Павлович Пятаков, всецело погружённый в свои мысли, задумчиво стоял у замутнённого окна и с интересом наблюдал за озорной игрой света и тени, неспешно потягивая из чашки крепкий горячий кофе. Он успел промокнуть под дождём и замёрзнуть от пронизывающего ветра, но кофе с утра дарил тепло и придавал бодрости. С каждым новым глотком по его телу неудержимой волной разливалась приятная истома. И как же было здорово, находясь в тёплом и сухом помещении, наблюдать за стихией, разыгравшейся за окном! Ему нравилось следить за тем, как город, лениво потягиваясь, неспешно просыпается.

...Когда-то давно один немолодой турок по имени Мехмед научил Антона правильно варить кофе. «Истинное наслаждение дарит кофе свежемолотый, – любил приговаривать Мехмед, – приготовленный в джезве с тростниковым сахаром и щепоткой соли. Только так, а не иначе!» С тех пор каждый его день начинался с одного: Пятаков сам варил ароматный напиток в турке. Он даже в офисе строго соблюдал этот кофейный ритуал, ставший для него обязательным.

Антон, не отрываясь, смотрел в окно, делал глоток кофе и ни о чём не думал. Не хотел... Выкинул из головы надоедливые мысли и растворился в безмятежности – весь, без остатка. Дождь дарил умиротворение, покой... Странное дело: дождливая погода всегда действовала на него успокаивающе. За окном бушевала стихия, люди торопливо шли по своим делам, зябко ёжась от дождя и ветра, а он стоял с отрешённой задумчивостью, устремив отсутствующий взор в разыгравшуюся непогоду.

Размеренное течение жизни было нарушено... Шумно! Грубо! Вероломно!

Пятаков вздрогнул от неожиданности и чуть было не пролил на себя остатки кофе. Дверь за его спиной внезапно открылась, и в офис, тяжело дыша, ввалился его помощник Леонид Филатов.

– Приветствую, шеф! – бросил вошедший, энергично отряхиваясь от дождя.

– Доброе утро, Лёня! – полуобернувшись, поприветствовал его Антон и, взглянув на часы, добавил с неудовольствием: – Опаздываешь!

– Да всё из-за этой мерзкой погодки! Промок вон весь насквозь и замёрз, как собака... – начал было оправдываться тот.

– Лёня, прошу тебя, избавь меня от этих объяснений! – прервал его причитания Пятаков, нахмутив брови. – Выпей кофе и давай уже перейдём к делам нашим насущным!

– Слушаюсь, шеф! – Филатов ехидно улыбнулся и комично щёлкнул каблуками, задрал подбородок и прижав руки по швам.

– Паяц, – не без улыбки отметил Антон.

Фыркая и чертыхаясь на погоду, Леонид принялся шумно стряхивать с себя воду. Неуклюже помахав руками, он стянул с себя промокшую куртку и повесил её на вешалку. Тряхнув головой, он запустил в свою шевелюру пятерню и, взъерошив волосы, плюхнулся в кресло. Кофе переместился из турки в чашку, и он, громко хлюпая, принялся с удовольствием опустошать её.

Пятаков хотел вернуться в безмятежное спокойствие, но так и не смог. Звуки, производимые Леонидом, отвлекали, мешали, иглами проникали в голову. Это давило, не позволяя расслабиться. Больше всего раздражало его опоздание: первое за год – и вдруг вывело из себя! Почему?.. Ведь в привычках напарника оно не значилось, он отличался пунктуальностью. Непонятно... Может быть, грубо прерванное им спокойствие стало причиной? Возможно... Обдумывать своё внутреннее состояние не было желания: хотелось выкинуть всё из головы и забыть! Не получалось... Мозг входил в рабочий ритм, начинал всё анализировать. Антон допил остатки остывшего кофе, оторвался от окна и уселся за свой стол.

До недавнего времени Пятаков предпочитал работать один. Он был недоверчив, подозрителен и крайне щепетилен в мелочах. Разве кто-то, кроме него, мог бы справиться с его работой? Ни за что! Он был в этом уверен. Сыскная деятельность изрядно повлияла на его личность, возник «профессиональный перекося», как говорят специалисты.

Его твёрдая уверенность пошатнулась, когда пришла усталость. Бесконечные поиски людей, вещей, а иногда – чего уж греха таить – и животных начали выматывать. Всё чаще у него возникало непреодолимое желание заняться какой-нибудь тихой кабинетной работой, эдакой спокойной бумажной рутинной: сидеть в офисе с чашкой кофе, поглядывать в окно и, словно каменное изваяние, оставаться недвижимым, непоколебимым. И пока эти мысли посещали его лишь время от времени – хотя с каждым разом всё чаще, – Антон решил обзавестись напарником.

К счастью, долго искать не пришлось: один из клиентов предложил отличную кандидатуру. Леонид обладал не только пунктуальностью, но и наблюдательностью, точностью в деталях, логическим складом ума и терпением – качествами, присущими настоящему сыщику. Пятаков искал напарника, а Филатов – работу. Их интересы сошлись.

И хотя Антон сомневался до последнего, Лёня не подвёл. Всё, чего Пятаков добивался упорным трудом, тот схватывал на лету; сыскная наука давалась ему на удивление легко и непринуждённо. Он ещё и в академии МВД умудрялся учиться, получая высшее образование. Между ними возникло доверие: осторожное, робкое, оно росло, развивалось день ото дня и окончательно окрепло, расправив плечи.

Леонид был полон энергии – хоть ложкой черпай, – и Пятаков нагружал его работой. Начал с простой слежки, затем вовлёк в логические умозаключения – и пошло-поехало. Филатов рос, развивался, втягивался в работу. Но... хотелось ему чего-то большего. И Антон это знал. Что могло предложить детективное агентство? Следить за неверными мужьями или жёнами? Разыскивать сбежавшую собачонку? Потерянный кошелек? Этого было недостаточно.

В силу своего юношеского максимализма Лёня жаждал большего – участия в расследовании громких преступлений. Мог ли Пятаков ему это дать? Кто знает?..

Антон и сам когда-то был таким. В то далёкое время он служил в полиции. Был молод и глуп... Нет, не глуп – наивен! Глупым он никогда не был, а вот наивным – пожалуй, как и большинство молодых. Будущее представлялось безоблачным, ярким, вдохновляющим. Тем сильнее оказалось разочарование. Жизнь повернулась совсем не тем местом, которое хотелось увидеть. Система правосудия показала свой хищный оскал, перемолола и выбросила на обочину жизни. Убиваться из-за этого Пятаков не стал, а отправился на вольные хлеба и занялся делом, которое у него хорошо получалось: раскрывать преступления, но уже в частном порядке. И хотя расследования зачастую были пустяковыми, зато он сам решал, за какие братья, а от каких отказаться. И никто не указывал, как эти самые дела вести. Свобода действий, свобода мыслей! Не работа – мечта!

– Ну и что у нас на повестке дня? – наконец подал голос Пятаков, бросив мимолётный взгляд в окно, залитое дождём.

Работать совсем не хотелось, и он зевнул во весь рот, прикрываясь ладонью...

– На девять тридцать записана некая Ермолаева Мария Андреевна, – пробубнил Леонид, шурша бумагами на своём столе.

– И что у неё случилось? Пропала корзина, картина, картонка... иль маленькая собачонка?

Мысли неспешно крутились в голове, клубились туманом, перетекая одна в другую... Сейчас бы удобно усесться в кресло, укутаться в шерстяной плед и, уставившись в окно, попить кофеёк. Может быть, и с коньяком! В очаге убаюкивающе потрескивал бы огонь, выбрасывая вверх красные всполохи... Хотя откуда в квартире очаг? И без него было бы хорошо!

– Кое-что у неё действительно пропало, – подтвердил Филатов, прервав его размышления. – Какая-то драгоценность, кажется, семейная реликвия...

Антон лениво взглянул на часы, висевшие на стене: двадцать три минуты десятого. Ждать оставалось недолго.

– А как продвигается дело Барсукова?

– А-а-а! – оживившись, протянул Лёня. – Это которое с пропавшими бумагами?... Оказалось непростым. Весьма непростым! Но, как ты и предполагал, шеф, документы обнаружались на самом видном месте. Можно считать его закрытым.

– Хорошо. Вот ты его сам и заверши!

Пятаков откинулся в кресле, и оно заскрипело в унисон ветру за окном. Устремив свой взор в потолок, он, задумавшись, сделал полный оборот вокруг своей оси.

– Пожалуй, я сам займусь новой клиенткой. А ты возьми на себя Анну Петровну. А то я, признаться, уже запутался в её бесконечных теориях заговора. Пора и тебе разделить со мной это бремя.

Леонид было запротестовал, но безуспешно: его начальник был непреклонен. Спорить с ним бессмысленно – пустая трата времени.

– Общение с ней тебе будет полезно! – заключил Антон тоном, не терпящим возражений.

Лёня сопротивлялся не без причины. Анна Петровна Воронцова принадлежала к той категории людей, которым на каждом углу мерещился какой-нибудь заговор, и непременно вселенского масштаба. Нет, она вовсе не была сумасшедшей. По крайней мере, Антон Павлович не считал её таковой. Всеми виной были высокий уровень её гражданской ответственности, неуёмное природное любопытство и чересчур яркое воображение. Ничто не могло укрыться от её неусыпного взора. За глаза сыщики между собой прозвали её «управдомом». И, без сомнения, она всегда знала абсолютно всё и обо всех. Кто-то намусорил, сломал ветку, изрисовал стену – всевидящая старуха была тут как тут! Недостатка в свободном времени она не испытывала: давно вышла на пенсию. Так чем же ещё заняться скучающей пенсионерке?

Появилась в их офисе она несколько месяцев назад. Неожиданно, внезапно, как снег посреди лета, без предварительной записи, без приглашения. И, разумеется, с невероятной историей! С тех пор не проходило и дня, чтобы она не навещала в сыскное агентство Пятакова. Словно кочевник, она совершала свои варварские набеги, сея хаос и внося сумятицу в работу. Хотя, как ни странно, Антон временами был даже не против её присутствия. За неимением дел с Анной Петровной было приятно пообщаться: она была кладёзем знаний и очень интересным собеседником. Выслушивая её небылицы, сыщик диву давался, как такое могло прийти в голову обычной пенсионерке. Фантазии Анны Петровны мог позавидовать любой писатель, а сюжеты её историй были так лихо закручены, что поражали воображение. Но, несмотря на то, что Пятакову было интересно общаться с ней, внимая бесконечным историям, это отнимало слишком много времени. Вот он, недолго думая, и решил доверить эту весьма занятную даму своему напарнику Леониду.

Уверенный стук в дверь оборвал тягучие мысли и вернул в обыденную реальность, заставив сыщиков в едином порыве повернуть головы. Дверь отворилась, и на пороге сыскного агентства появилась молодая девушка. На вид не старше двадцати пяти лет, среднего роста, спортивного телосложения, с копной выющихся тёмных волос, выбивающихся из-под чёрной бейсболки. В миндалевидных глазах – живой блеск, на чуть вздёрнутом носу – озорные веснушки, на атласных щеках – лёгкий румянец. Одета просто: в синие джинсы и бежевый плащ поверх белой футболки. Через плечо перекинута большая холщовая сумка-баул. Крупные капли воды стекали с зонта-трости в её руке и разбивались о пол, оседая брызгами на её сиреневых кроссовках.

Антон окинул гостью профессиональным взглядом и отметил, что она вполне себе ничего. Не в том смысле, что «ничего особенного», а очень даже привлекательная. Лёня же так и вовсе был покорён ею с первого взгляда и расплылся в глупой широкой улыбке. Девушка поздоровалась и переступила порог.

– Это детективное агентство Антона Павловича Пятакова? Я не ошиблась?

– Да! – хором подтвердили сыщики.

Пятаков сверкнул глазами на Леонида и на правах хозяина продолжил:

– Вы обратились по адресу! Проходите! Не желаете выпить кофе для согрева? Чем мы можем вам помочь?

Войдя в помещение, гостья вежливо отказалась от предложенного кофе.

– Меня зовут Мария Ермолаева!

– А-а-а! У вас, кажется, что-то пропало?

– Да! То есть... нет! – она сконфуженно замялась и опустила глаза.

Сыщики в недоумении переглянулись и вопросительно посмотрели на девушку.

– Хочу извиниться... – она подняла на них виноватый взгляд.

– Есть за что? – Антон стал подозрителен, Лёня всё так же глупо улыбался.

– Есть... – она нерешительно продолжила: – Я записалась к вам на аудиенцию по делу о пропавшей семейной реликвии. Но... на самом деле никакой пропажи нет.

Ситуация запутывалась, выходя за рамки обычной. Знакомство начиналось с обмана. Антон не мог припомнить ни одного случая, чтобы клиент врал о предстоящем расследовании, – такое на его памяти было впервые. Хотя всё бывает в первый раз... Он насторожился, предчувствуя неладное.

– Должна вам признаться, – собравшись с духом, она приступила к объяснению, – я журналистка, работаю в журнале под названием «Профессионал». Редакция поручила мне написать статью о деятельности частных детективов, и ваше агентство мне рекомендовали как одно из лучших в городе. Правда, предупредили, что вы не жалуете журналистов, вот я и была вынуждена пойти на небольшое ухищрение, чтобы попасть к вам.

Слово «журналист» действовало на Антона Пятакова как красная тряпка на быка. Он эту братию на дух не переносил. Даже от одного упоминания о них у него закипала в жилах кровь, и он становился нервным. Неприязнь была давняя, неприкрытая, глубокая.

Узнав о профессиональной деятельности посетительницы, Пятаков разом переменялся в лице, покраснел – от доброжелательности не осталось и следа. В комнате сгустилось напряжение. Единным порывом он вскочил со своего кресла, как ошпаренный, накинул куртку на плечи и, сказав, что разговаривать с журналистами ему не о чем, выскочил из офиса, не прощаясь, по-английски. Его помощник остался в кабинете один на один с немного ошарашенной девушкой.

– Ну и нрав у вашего начальника! – посетительница догадалась, что это был никто иной, как владелец агентства. – И почему он так невзлюбил журналистов?.. Вон убежал, как от чумы!

Леонид не стал отвечать и лишь неопределённо пожал плечами. Зная непростой характер своего шефа, он предпочёл сохранять нейтралитет.

Гостья минуту колебалась и продолжила:

– А может быть, вы сможете мне помочь?.. Расскажите обо всех нюансах работы частных детективов? Вас как зовут?

– Меня зовут Лёня... то есть Леонид Филатов! – он начал неловко оправдываться. – Но... боюсь, что помочь я вам не смогу... Во-первых, у меня ещё маловато опыта в сыском деле... А во-вторых, начальство мне голову открутит, если узнает, что мы с вами общались.

– И что, шеф ваш настолько суров? – озадаченно спросила она. – И ничего нельзя сделать?

– Увы, – виновато развёл руками Леонид. – Суров – не то слово! Здесь я, к сожалению, бессилен.

– А как же мне быть?.. – расстроилась журналистка.

Она стояла посреди комнаты с растерянным видом. Леонид хотел бы ей помочь, но совсем не желал навлекать на себя гнев Пятакова.

– Да вы не переживайте так! Напишите статью о каком-нибудь другом агентстве. В конце концов, мы же не единственное сыское бюро в городе! – поспешил он хоть как-то её приободрить.

– Да не могу я брать интервью у других! – всхлипнула она. – Меня главред направил именно в ваше детективное агентство. И если я не выполню его задание, то он меня живьём съест. А скорее всего, и вовсе выгонит с работы за профнепригодность!

Она прикусила дрожащую нижнюю губу. Её взгляд беспомощно шарил по помещению, слеза блеснула на реснице и скатилась по щеке.

– Первое серьёзное задание – и сразу провал! Мне больше никогда не доверят такую работу!

В душе у Филатова что-то дрогнуло, надорвалось и окончательно лопнуло. Выругавшись на себя за слабость, он обречённо сдался и решил во что бы то ни стало помочь девушке, даже если от этого сам пострадает. Впрочем, он знал наверняка, что ему влетит от начальства по первое число – сомнений не было. Но отступать было не в его привычках. Решил – так решил! Леонид наполнил стакан водой и протянул его Марии.

– Вот, выпейте воды. Я постараюсь вам помочь, поговорю с шефом, может, он сменит гнев на милость, – принялся он её успокаивать. – Давайте вот как договоримся: вы оставите мне свой номер телефона, а я, как только поговорю с Антоном, обязательно вам перезвоню.

Маша выпила воды и, кажется, воспряла духом. Его слова придали ей уверенности. На её лице появилась лёгкая улыбка.

– Леонид, вы действительно это сделаете для меня? – с надеждой в голосе спросила она. И тут же с сомнением добавила: – А разве можно уговорить такого непробиваемого типа, как ваш начальник?

– Не скрою, – Лёня сделал серьёзную мину, – дело весьма непростое, и шансов на успех крайне мало...

Он на мгновение задумался, по его лицу пробежала робкая тень сомнения, и тут же тряхнул головой, отменяя подступившую неуверенность.

– ...но вы не сомневайтесь. Если уж Леонид Филатов что-нибудь обещает, то он в лепёшку расшибётся, но сделает!

Чтобы придать больший вес своим словам, он стукнул себя кулаком в грудь. Это вышло весьма забавно, и они оба рассмеялись.

Журналистка оставила свою визитную карточку и, попрощавшись со словами: «Жду звонка», вышла в коридор. Торопливо спустившись по лестнице в холл, она подскочила к зеркалу и поправила макияж.

– Какой ужас, Ермаева! – обратилась она к своему отражению, вытирая потекшую тушь. – Ну на кого ты стала похожа? Срочно приводи себя в порядок! Срочно!

Она вытерла лицо и, улыбнувшись, подмигнула себе в зеркале. Разыгранная перед Леонидом сцена сработала на отлично. Маша своего добилась, хоть и хотела, чтобы всё сложилось по-другому. Вину за это она переложила на Пятакова. Это он во всём виноват: вскочил, как полоумный, и убежал, не желая разговаривать, и не оставил ей иного выбора.

Прежде чем отправляться на встречу, Маша провела некоторые изыскания и выяснила, что детективное агентство Пятакова – одно из лучших в городе. Он брался за весьма запутанные дела и с успехом их раскрывал. Но пообщаться хотя бы с одним из его клиентов ей так и не удалось. Никто не желал с ней разговаривать; лишь один сказал, что Антон Пятаков не жалуется «журналюг». Так и выразился: «журналюг»! Это было довольно странно. Ведь другие сыскные агентства наперебой рекламировали себя, и отзывов от благодарных клиентов было не счесть. А здесь – ни слова, ни полслова.

Странно и непонятно. Дело осложнялось. Но именно это Машу и привлекло. Работа затягивала её, словно бурлящий водоворот. Трудности нисколько не пугали. Настоящего журналиста они закаляют. Да и не таким человеком она была, чтобы легко сдаваться! Возникшие препятствия лишь подстегнули её во что бы то ни стало написать статью именно об этом агентстве.

Кроме того, завершив это дело, она сможет показать руководству журнала, на что способна. Ведь до последнего момента ей поручали делать лишь небольшие очерки о малоизвестных событиях. А эта работа могла вывести её на совершенно другой уровень. Оставалось дело за малым – завоевать доверие владельца детективного агентства. Но как это сделать, Маша ещё не решила: подход требовался особый, требующий дополнительной подготовки. Она отправилась в редакцию. Нужно было раздобыть как можно больше информации об этом диковинном человеке – Антоне Пятакове, – чтобы понять, как расположить его к себе.

Дождь заметно усилился, потоки воды стремительно бежали по асфальту, превратив улицы в небольшие реки. Маша раскрыла зонт и вышла из офисного здания, в котором располагалось сыскное бюро. Ей предстояла непростая задачка, которой она и собиралась полностью посвятить себя в ближайшее время. Не обращая внимания на лужи и дождь, она устремилась навстречу непогоде.

Глава 2. Безнадёжное дело

Вырвавшись из ставшего вдруг невероятно тесным кабинета, Антон стремительно бежал вниз по винтовой лестнице, на ходу надевая куртку. Чуть было не споткнулся на ступеньках, рискуя кубарем скатиться вниз, чертыхнулся, но продолжил бежать без оглядки. Не замедляя шага, он словно ураган пронёсся через небольшой вестибюль и пулей выскочил на улицу. Морозящий дождь перешёл в почти проливной. Волна влаги ударила в лицо, озноб скользнул по телу. Пятаков выругался на погоду, снял куртку и накинул её на голову вместо зонта. Зонт он в спешке забыл в своей конторе. Выругался уже на себя и, не оборачиваясь, побежал к своему автомобилю, по пути перепрыгивая стремительные потоки воды, словно спортсмен, преодолевающий полосу препятствий. Он опасался, что за ним увяжется журналистка – принесла же её нелёгкая – и, лишь сев в машину, облегчённо выдохнул, не обнаружив за собой преследования.

Правая нога начала мёрзнуть, холод шёл от ступни и поднимался вверх, подступая к горлу. Антон прокашлялся и пошевелил пальцами ноги – в обуви неприятно захлопало. Он поморщился, стянул с себя ботинок, по-змеиному изогнулся, уперевшись головой в руль, и пощупал ногу. Так и есть – промокла нога! Носок совсем сырой, хоть выжимай. Пятаков взял прохудившийся ботинок в руку и растерянно повертел перед собой, совершенно не представляя, что теперь с ним делать. Идти нельзя, а выкинуть жалко. Беда!..

«Да-а, видимо, придётся покупать новые», – с досадой подумал сыщик.

Покупка обуви не была для него проблемой. Вовсе нет. Сложность заключалась в выборе подходящей пары. А всё потому, что найти удобную было настоящей мукой: то там натирает, то здесь жмёт – сплошная головная боль. Поэтому каждая примерка становилась для него тем ещё испытанием. «Какие-то нестандартные ноги у меня, что ли!» – часто сокрушался из-за этого Антон. И сейчас, находясь в машине с промокнувшей ногой и безнадёжно испорченным ботинком в руке, он с грустью представлял очередные свои мучения с поиском обновки. И как бы ему ни хотелось, а всё же придётся побегать в поисках заветной пары. Выбор обуви был для него настоящим испытанием, которое он, однако, со стойкостью переносил, хотя и стремился каждый раз отложить эту утомительную процедуру как можно дальше в обозримом будущем. И сейчас это будущее совершенно некстати стало настоящим.

– Не хватало ещё простудиться и слечь с температурой, выпав как минимум на неделю из жизни, – огорчённо буркнул он себе под нос.

Куча таблеток, горчичники, капли в нос и горькие микстуры промелькнули перед глазами сыщика, и его передёрнуло. Нет, болеть совершенно не входило в его планы! Он тряхнул головой и избавился от неприятного видения.

Сокрушенно вздохнув, Антон вставил ключ в замок зажигания и повернул его. Машину тряхнуло, двигатель чихнул простуженным голосом и натужно загудел. По жестяному телу автомобиля пробежала мелкая ознобная дрожь. Сыщик крутанул регулятор, включил печку на максимум и направил поток теплого воздуха от вентилятора себе в ноги. Через пару минут приятное тепло разошлось по салону автомобиля, и стало по-домашнему уютно. Ноги начали согреваться, и ему захотелось выпить горячего кофе. Но кофе остался в агентстве, а обратная дорога туда была заказана – по крайней мере, в ближайшее время. Он тоскливо посмотрел на вход в здание, где располагался его офис, и тут же отвернулся. Сблэзн вернуться был слишком велик, и поддаваться ему совершенно не хотелось.

По крыше машины дождь молотил не переставая, монотонно отбивая дробь и заливая окна. На лобовое стекло ложились серебристые капли, переливаясь в проблесках солнца, внезапно пробившегося сквозь тучи, словно бриллианты. Собираясь воедино, они неспешно стекали маленькими прозрачными змейками, превращая мир за окном в слезливую картину. Улицы, дома, люди и машины слились в одну сплошную массу.

Бесцельно уставившись прямо перед собой, Антон задумчиво барабанил пальцами по рулевому колесу в такт дождю. Дел в офисе, как выяснилось, у него не было совершенно никаких, да и журналистка всё ещё оставалась там. Домой так и вовсе не хотелось. Как же быть?.. В дурацкой ситуации, в которой оказался, он и подумать ни о чём не успел. События развивались слишком стремительно.

«Зря, конечно, убежал из офиса как полоумный. Следовало держать себя в руках. Лучше бы выпроводил её из конторы, и дело с концом!» – мысленно сокрушался детектив, коря себя за излишнюю эмоциональность.

Антон не мог понять, что на него нашло, словно какое-то наваждение. Обычно он запросто справлялся со своими эмоциями независимо от обстоятельств. И вдруг – на тебе! Не сдержался, и ситуация вышла из-под контроля. Почему?.. Как так получилось?.. Объяснить этого он не мог: то ли погода так на него подействовала, то ли что-то другое, и он не совладал с собой. Пятаков и сам удивился своему поведению. Это было совсем не похоже на него и выбивало из привычной колеи.

Двигатель успокаивающе урчал, печка дарила тепло, в салоне автомобиля было хорошо и спокойно, а снаружи продолжала бушевать стихия. Антон не знал, что делать и куда податься. В голове, как назло, не было ни одной стоящей идеи. Ноги согрелись, тепло стало подниматься вверх, потекло по венам, разлилось по телу, окутало голову и расшевелило мозги. И Пятаков вспомнил: ведь на днях звонил его старый приятель и, по совместительству, бывший коллега Матвей Крупинин, хотел предложить какую-то работу. А она сейчас ой как не помешала бы! Сыщик не надеялся на что-то стоящее, но, как говорится, на безрыбье и рак – рыба, да и деньги лишними не бывают, а с ними сейчас была некоторая напряжённость. Всё же изредка Крупинин подкидывал кое-что и интересное. Антон набрал номер телефона Матвея и договорился заскочить к нему минут через тридцать – тот как раз оказался на месте.

На горизонте замаячило хоть какое-то дело, и настроение, пусть немного, но улучшилось. Антон выждал ещё некоторое время, наблюдая за разыгравшейся непогодой, затем потянулся вниз и пощупал ногу. Промокший носок согрелся, но так и не высох, и что с этим делать, он не знал. Ехать так или?.. Он погрузился в тягостные раздумья. И всё же решил ехать в одном ботинке: глядишь, по дороге нога и высохнет. Второй ботинок он положил на пассажирское место и направился в отделение полиции Адмиралтейского района, где, собственно, его друг и работал.

Непогода парализовала движение на дорогах города. Мегаполис застыл в невообразимой пробке: ворчал, гудел и ругался сотнями недовольных голосов. Мириады частиц прозрачного бисера летели на землю с грозовой вышины, смывая всё и вся на своём пути. Автомобили, здания, люди расплылись в смутных очертаниях, словно в акварельных красках виртуозного художника. Светофоры потонули в дожде и, казалось, подают сигналы «SOS» уже из Невы. Вместо красного и зелёного они моргали не то синим цветом, не то фиолетовым. Всё смешалось, расплылось... Дворники бегали по лобовому стеклу, работая изо всех сил, и всё равно не справлялись с нескончаемыми потоками воды, низвергавшимися с потемневшего неба. Да ещё и встречные машины окатывали волнами грязной воды из луж. Не каменные джунгли, а бурная река. Впору брать лодку и садиться за вёсла.

Идея ехать без ботинка оказалась не самой лучшей. Давить босой ногой на педали оказалось неудобно: нога всё время норовила соскользнуть. Машина дёргалась, рычала, то разгонялась, то сбрасывала скорость. Водители соседних автомобилей сначала пугались, потом ругались и объезжали его стороной, приняв за «чайника» на дороге.

Антон невольно вернулся мыслями к журналистке. Интересно, что она делает? До сих пор сидит в его офисе или уже ушла? А может, как и он, в эту самую минуту продирается сквозь стену дождя? Или... Стоп! Он одернул себя. С чего это он вдруг о ней вспомнил? Неужели она ему понравилась? Да ну, глупости! Что за ерунда? Придёт же такое в голову. И совсем она

не в его вкусе. Ну да, вроде ничего, но не его типаж. Это Леонид от неё без ума, а не он. А ему нравятся совсем другие. Ну, такие... такие... Одним словом, не такие! Пятаков совсем запутался и решительно выбросил всё из головы. Постарался забыть.

Чтобы отвлечься от надоедливых мыслей, упрямо лезущих в голову, Антон включил радио. Заиграла неувлочно знакомая мелодия, и он никак не мог её вспомнить, как ни старался. Через мгновение зазвучали слова песни: «Дождь, звонкой пеленой наполнил небо, майский дождь...» Этого ему ещё не хватало! И на радио дождь. Нет, так не годится... Он поспешил переключить на другую радиостанцию. «Летний дождь, летний дождь, начался сегодня рано...» – раздалось из динамиков. И эти туда же! Он включил следующую: «Ты ругаешь дождь, лужи на асфальте...»

– Да что же это такое! Издеваются они все, что ли? Что ни песня, то про дождь, – недовольно проворчал Пятаков и переключил на новостную радиостанцию.

Объявляли прогноз погоды. В городе дожди. По всей области дожди. Везде и всюду дожди... дожди... дожди... Ничего нового. Это и так ясно: стоило лишь выйти на улицу. Вселенский потоп – не иначе.

Наконец прогноз закончился, и началась какая-то скучная передача. Диктор станции бубнил что-то неразборчивое, и это получалось у него так монотонно, что Антон невольно начал засыпать. Веки его разом отяжелели, и глаза сами собой стали закрываться... Нога в очередной раз соскользнула с педали, машина клюнула носом, Антон испуганно встрепенулся, часто захлопал ресницами и похлопал себя по щекам.

«Нет, так совсем не пойдёт!» – раздражённо подумал сыщик.

Он снова переключил радио на музыкальную волну. На этот раз песня была весёлой и энергичной. Он не особо вслушивался в текст, но пели не про дождь – и этого было уже достаточно. На этой станции он и решил остановиться.

Антон продолжал двигаться по городу, упорно продираясь сквозь бурные потоки воды, бездонные лужи и бесконечные заторы. Из-за непогоды в Петербурге случился транспортный коллапс, и дорога заняла больше времени, чем он рассчитывал.

Покидать салон машины совсем не хотелось. Здесь было тепло и сухо, а за бортом – бр-р! – холодно и сыро. Пятаков распахнул дверь и поежился от ветра, пробирающего до костей. Поднял воротник куртки и, не глядя, опустил ноги на землю. В тот же миг он ощутил холод и сырость правой ногой. Только не это!.. В ожидании худшего он опустил глаза вниз. Так и есть: худшие его опасения оправдались – он забыл обуться. Носок медленно, но верно отсыревал. Антон перевёл разочарованный взгляд в салон своей машины. На пассажирском месте сиротливо лежал одинокий ботинок.

– Вот же зараза! – выругался он, почувствовав, как засвербило в носу, и громко чихнул. – Теперь точно заболел! Да что же день-то сегодня так не задался? Это уже ни в какие ворота...

Антон вернул ноги в машину и с силой захлопнул дверь. Снял мокрый носок и в порыве сиюминутной ярости швырнул его на заднее сиденье. Взял ботинок в руку, повертел его и на секунду задумался. Что же делать?.. Не идти же в самом деле в отдел полиции босиком! Чего доброго, ещё подумают, что у него дела совсем плохи. Начнут шушукаться за его спиной, посмеиваться: «Посмотрите, Пятаков с голодухи ботинки проглотил!» Им только дай повод позубоскалить... Горько вздохнув, он натянул ботинок на босую ногу. Повертел его в воздухе. Поморщился. И решил идти так... Без носка ноге было не очень комфортно, но зато не так холодно.

– Ну, прямо сын лейтенанта Шмидта! – произнёс он вслух, взглянув на свои ноги.

Антон во второй раз открыл дверь и вышел из машины. Лицо вмиг покрылось каплями дождя. Не желая промокнуть насквозь, он побежал, шлёпая по лужам и поднимая за собой сноп брызг.

Здание полиции ему было хорошо знакомо: он когда-то работал в этих стенах, в следственном отделе. Правда, это было уже давно, в прошлой жизни, и ему казалось, что всё происходило с кем-то другим, а не с ним – память со временем затуманивала те воспоминания. С тех пор здесь мало что изменилось, разве что появились новые, незнакомые лица. У дежурного был выписан пропуск на его имя, и Пятаков, не задерживаясь, быстро преодолел пропускной пункт и направился в кабинет Крупнина. По пути он встречал немногих знакомых, коротко кивал им и, ни с кем не разговаривая, продолжал идти своей дорогой. Сыщик чувствовал себя неуютно в этих коридорах, и у него появилось стойкое желание поскорее покончить с делами и выбежать отсюда. Место стало холодным и чужим. А может, всегда таким и было... Он будто попал в клетку. Неприятное ощущение... Подойдя к двери кабинета, на которой красовалась табличка «Крупнин М. Е., начальник следственного отдела», он постучал. Услышав неразборчивое бормотание, открыл дверь и вошёл в кабинет, не дожидаясь внятного приглашения.

– О-о-о, Антоха, здорово! – пробасил хозяин кабинета. – Сколько лет, сколько зим!

– И тебе не хворать, Матвей! – ответил на приветствие Пятаков.

Крупнин поспешно вышел из-за стола и крепко обнял старого приятеля. Хватка у него была будь здоров! Антон знал, что его медвежьи объятия предназначены только для самых близких, поэтому не сопротивлялся и ответил другу взаимностью. Да и сопротивляться было абсолютно бессмысленно: тот был в два раза крупнее его. Ростом они были примерно одинаковы, а вот по ширине Антон безнадежно проигрывал. Он беспомощно повис в объятиях Матвея, болтая руками, словно тряпичная кукла, пока тот энергично его тряс.

Их знакомство насчитывало уже больше пятнадцати лет: учились вместе в академии, начинали службу в полиции, долгое время были напарниками. Не один пуд соли съели и не раз помогали друг другу в сложных, а порой и смертельно опасных ситуациях. Но три-четыре года назад их пути разошлись: Матвей остался на службе и добился повышения, а Антон уволился и занялся частным сыском. Но, несмотря ни на что, они продолжали поддерживать хорошие дружеские отношения, хотя и виделись нечасто в последнее время.

Впрочем, каждый из них был вполне удовлетворен сложившимся положением дел. Антон стал своего рода свободным художником, мог выбирать, за какую работу браться, а за какую – нет. Матвей же получил должность, к которой давно стремился. Ведь он был весьма честолюбив и, несмотря на трудности, упорно продвигался вверх по карьерной лестнице. Время от времени Крупнин подкидывал Пятакову дельце, которым в полиции не занимались, а чаще всего и не хотели за него браться. Работа в большинстве своём, конечно, была не ахти какая – хотя и здесь попадались весьма интересные дела, – но позволяла продержаться на плаву в отсутствие чего-то более стоящего.

Кабинет у Матвея был просторным и вполне соответствовал его должности. При этом обстановка была весьма аскетичной: письменный стол, кресло, компьютер, пара стульев, шкаф с документами и небольшой шифоньер для верхней одежды – ничего лишнего. Выкрашенные в какой-то казённый синий цвет стены создавали атмосферу холода, не добавляя и капли уюта. Видимо, посетители не должны были задерживаться в кабинете начальства слишком долго. На одной из стен располагалось окно с вертикальными жалюзи, на другой – карта города. Одним словом, скучный и ничем не примечательный рабочий кабинет. Глазу зацепиться не за что, а значит, ничто не отвлекает от работы.

– Ну и где тебя носило столько времени? Хоть раз бы в гости заскочил! – с укоризной произнёс Матвей.

– Да весь в делах, – отмахнулся Антон и парировал: – Сам-то ведь тоже не заходишь.

– Ладно, ладно! Оба хороши!

Матвей вернулся за стол и плюхнулся в кресло. Оно просело под ним, жалобно скрипнуло, но выдержало.

– Слушай, а давай и впрямь соберёмся, как раньше? Позовём всех наших, да и махнём на рыбалку или на шашлыки? Что скажешь?.. Давно ведь никуда не выбирались!

– Я не против. Только давай об этом позже. У тебя, кажется, для меня есть работа?

Пятаков сразу перешёл к делу. Он без церемоний уселся на один из стульев и закинул ногу на ногу. Обстановка совершенно не способствовала ведению неспешной дружеской беседы.

– А ты не меняешься!.. Мир перевернётся с ног на голову, а у тебя работа так и останется на первом месте... Жениться тебе надо! – упрекнул его Матвей.

– Ты ведь не хуже меня знаешь: был негативный опыт, больше не тянет.

Антон не любил копаться в своём прошлом, а ещё больше не любил, когда кто-то делал это за него. От слов Матвея на его лице появилась недовольная гримаса.

– Ну хорошо, к делу так к делу. Вот, посмотри: заявление некой гражданки Беловой, – Крупинин передал Пятакову лист с записями. – У неё якобы украли картину и, как она утверждает, заменили копией.

– Что значит «якобы» украли?..

– Да вот то и значит, что доказать факт кражи невозможно!

Антон был сбит с толку. Он вопросительно смотрел на друга, совершенно ничего не понимая. Размытая формулировка «якобы украли» вносила неопределённость в дело, а он, как и любой сыщик, доверял только фактам.

– Да не смотри ты на меня так удивлённо! Сейчас всё объясню по порядку.

Матвей придвинул кресло вплотную к столу, расположился в нём поудобнее и, сцепив руки в замок, неспешно продолжил:

– Картинку эту написал её дед, и никакой художественной или исторической ценности она не представляет, разве что как семейная реликвия. Поэтому доказать, была ли она заменена копией или нет, не представляется возможным, так как никто и никогда не проводил её экспертную оценку. Теперь понимаешь, о чём я толкую?

– Ты издеваешься, что ли? Это же бред сумасшедшего! – Антон не скрывал своего разочарования. – То есть ты предлагаешь мне «пойти туда, не знаю куда, и найти то, не знаю что».

– Я всё понимаю, Антоха! Даже то, что эта дамочка, вероятно, не в себе. Но и ты пойми: у неё связи. Она уже кому-то пожаловалась, и на меня стали сверху давить. Прошу тебя дружески: займись этим делом! Поезжай к ней, осмотришь, покажи свою заинтересованность и между делом убеди её, что картина абсолютно та же, что и была раньше, разве что немного выцвела от времени. Ну, придумай что-нибудь! Кроме того, клиентка готова платить деньги, и немалые. Для тебя это дело-то пустяковое, а деньги не помешают. Уладишь всё это, и я буду тебе весьма признателен. Думаю, пары дней тебе вполне хватит. Ну же, соглашайся! Выручи меня!

Антон молчал... Дело представлялось ему заведомо безнадёжным и бессмысленным. Стоило ли за него браться? Сомнения одолевали его, терзали душу. Он хмурился, гоняя мысли в голове по кругу, и никак не мог принять решение. Надо бы помочь Матвею, но... тратить время впустую совсем не хотелось. Да и обманывать клиентов было не в его привычках. Поразмыслив, Пятаков принял решение.

– Хорошо! – неохотно согласился он. – Попробую тебе помочь. Возьмусь за это дело. Но давай сразу договоримся: обещать ничего не стану. Если ничего не обнаружу – то сразу откажусь!

– Да мне этого вполне достаточно!

Лицо Матвея радостно просияло. Он выдохнул и выпрямился, будто отвёл в сторону дамоклов меч, висевший над его головой.

– В заявлении указаны её номер телефона и адрес проживания. Я её уже предупредил, что ты займёшься этим делом.

– Что-о?! Ну ты и субчик! – Антон удивлённо вытаращил глаза на друга. – Вот ведь ловкач: знал, что я соглашусь, ещё до моего прихода.

– Ну ладно, ладно, – Матвей самодовольно улыбнулся. – Надеюсь, ты будешь держать меня в курсе того, как продвигается расследование?

– Ты же всё наперёд знаешь! Вот и ответь сам на свой вопрос.

Голос Антона прозвучал с напускной обидой. Матвей ничего на это не ответил, зная непростой нрав своего друга, лишь хмыкнул и покачал головой.

– Ну, если это всё, тогда до связи! – бесцеремонно попрощался Антон и порывисто вышел из кабинета, прихватив с собой заявление.

Крупинин ещё что-то говорил ему вслед, но тот уже не слышал его причитаний, стремясь побыстрее покинуть неуютное здание.

Дождь закончился, и из-за туч выглянуло долгожданное золотистое солнце. Отражаясь миллионами бликов в зеркалах лужиц, оно неспешно ползло по небу, прогоняя промозглый холод. Пятаков вышел на улицу, надел солнцезащитные очки, сел в машину и набрал номер своей новой клиентки. Дело представлялось ему совершенно пустяковым, и сыщик рассчитывал быстро его закончить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.